

II секция
Методология и семиотика

УДК 165.1

ГЕНЕЗИС ОЗНАЧЕНИЯ

А.Д. Шоркин
Симферополь, Украина

Одна из молчаливо принимаемых презумпций гносеологии состоит в отождествлении процессов обнаружения чего-либо в универсуме с означением того, что обнаружено. Найти, заметить, открыть – это, подразумевается, уметь найденное обозначить, как-то выразить. То, что нами не обозначено, для нас не существует.

Данная презумпция имеет давнюю философскую традицию и укоренена, пожалуй, еще со времен средневековой культуры, когда «вещь» не могла не «вещать», а «слово» не только сопрягалось с вещью, но и предшествовало миру вещей. Позже, от Гоббса и до Соссюра установилась общепринятая модель двух плоскостей: системы вещей, событий и системы их кодирования. Пространство классической гносеологии опирается на эту модель, изначально открывается позиционированием и соотношением мира вещей с «речью», миром образов и слов.

Вопрос о генезисе нашей способности означать здесь, по существу, снят. По Соссюру, последовательность вещей параллельна их линейной артикуляции. Конечно, первую нужно установить посредством надежного опыта. Речь же наша избыточна, зачастую сбивается на повествование о необнаруженных фикциях или сводится к невнятному бормотанию. Ее нужно прояснить и очистить от «конструктов», а опыт – верифицировать или фальсифицировать. Как видим, на основе двухплоскостной модели означения естественно вырастает позитивистский проект.

Понятие «объекта» в традиционной гносеологии столь же естественно восходит к средневековой схолии – к концептуалистскому размещению «универсалии» *in rebus*. Понятие «субъекта», соответственно, – к номиналистическому толкованию «универсалии» как *post res*. Что такое в классической гносеологии «субъект познания», как, в основном, не тексты и знания, не матрицы образов и восприятий?

В традиционной теории познания, таким образом, человек редуцирован до субъекта познания, а в сопутствующей классической гносеологии двухплоскостной модели означения – к системе кодирования. Но как человек оказывается способным вообще что-либо начать означать, кодировать и постигать?

Одними из первых к постановке этого вопроса приблизились исследователи мифа. Краткое резюме полученных ими результатов состоит в решительном отказе от уничижительной прежней трактовки мифа как «наивного заблуждения», «незнания» и от ограничения стратегии его устранения. Как оказалось, без мифа нет ни человека, ни общества, ни научной теории. Согласно обоснованному мнению Р. Барта, миф – это латентный уровень всякого дискурса. В психоаналитической трактовке, например, истина – это только «кастрированный» миф. Иными словами, система кодирования имеет глубинные основания, лежащие вне ее самой. Никакое означение не может состояться без опоры на какую-то иную реальность, расположенную за пределами как «плоскости» мира вещей, событий, так и «плоскости» универсума речи, слов и образов.

Основатели и сторонники феноменологии эту реальность нашли как «интенциональность». И «ноэзис» – акт полагания, и «ноэма» – предметный смысл объединены в интенциональности как в единой структуре. Без обращения к «жизненному миру» и «поток переживаний» следует вообще отказаться («эпохе») от утверждений о вещах, об их связях и процедурах кодирования.

Собственно, эту же идею отстаивают современные психологи. Без крайностей, без излишней фронды «феноменологической редукции» (Э. Гуссерль), ставящей программу тотального сведения к интенциональности всего, чего угодно, психологи в соответствии с предметом своего изучения – психикой человека – показывают, что сотворение человеком кодированного мира и пробуждение его собственного сознания есть процессы параллельные. Иначе говоря, *то, что мы обнаруживаем в мире и то, каким образом обнаруженное обозначаем, находимся в прямой и непосредственной связи с тем, как мы меняемся сами.* Научиться обозначать – значит суметь «пробудить» (Э. Нойманн) собственное сознание; уметь обозначать и корректировать означение – значит вновь активизировать структуры бессознательного, его архетипические, ведущие к Эго фазы.

Центральной темой всего детского психоанализа, согласно компетентному мнению Алена Жибо, ныне является проблема генезиса объектных отношений. Каким образом складываются и эволюционируют объектные отношения из исходной стадии нарциссизма, – над этим размышляют и спорят, начиная от З. Фрейда, множество специалистов. Р. Шпиц, Х. Хетцер, Р. Дяткин, например, используют такие понятия как «бесформенный объект», «пре-объектные отношения», «предвестник объекта», «пра-речь». С. Лебовски выделяет четыре стадии формирования объектных отношений, стремится найти «прогрессию» означающих способностей в сопоставлении индексов, знаков, сигналов и символов, а также приводит сравнительную таблицу генезиса объектных отношений [2]. Рене Руссийон (вслед за Жаном Лаканом отождествляющий «внешнее» с «символическим») находит условия рождения и развития символизации и субъективности в исходной деструктивности субъекта, в «ответе» объекта на эту деструктивность и последующем уходе от нее субъектом. Так объект обретает возможность генезиса, складывается и выживает – в качестве объекта влечения субъекта, его развития и игры с первичными символами.

Развиваемая в данной статье идея трехчастного (а не двухплоскостного) устройства процессов означения находит меткую метафору в статье Ф. Паша, в которой современный французский психолог обращает внимание читателя на зеркальный щит, без которого невозможна победа Персея (человека, субъекта) над Медузой (внешней реальностью). Щит – это «речь» человека, система восприятий и сознания, его зеркальная поверхность только и позволяет человеку что-то означать, узнавать и оценивать. Объектное отношение и восприятие, любовь, фиксация субъекта и свобода, возможно, носят близкую природу и там, в щите «существуют вместе» [4]. Психотик не располагает щитом Персея, взгляд Медузы поэтому его ужасает, повергает в тревогу и превращает в камень.

Без учета изменений психики человека какая-либо артикуляция возникновения эффекта означения вообще утрачивается. Именно в процессах восприятия и самоизменения человека осуществляется «инвестирование» объектов внешнего мира. Эрих Нойманн даже называет «эквивалентными» интеграцию мира и интеграцию личности [3]. Возможно, точнее было бы их назвать неразрывно связанными, взаимозависимыми или дополнительными, но это не меняет сути: бытующая двухплоскостная модель означения некорректна, ее необходимо трансформировать в новую, добавив «плоскость» состояний человеческой психики.

Человек не сводится к системе кодов и к речи, они – только его продукт (что тривиально, иначе кто вообще означает), но процедуры означения меняют самого человека, а, значит, и его способности обозначать. Вот эта существеннейшая непрременная обратная связь и делает привычную сосюрговскую модель несостоятельной (что совсем не банально).

Проблема генезиса означения, таким образом, философами ныне не может более не замечаться, игнорироваться. Классическая гносеология может и должна быть дополнена проблематикой процессов становления и развития ее концептов (таких, например, как понятие, представление или истина), процессов, которые укоренены и взаимосвязаны с изменениями познающего субъекта.

В поисках опор построения такой антропологической или генетической гносеологии мне представляется целесообразным использовать некоторые концепты современной психологии. Среди них – «тенд», «желание», «фантазм», «синтом», «Эго», «Другой» (психоаналитические школы, Жан Лакан). Эвристический потенциал содержат также метафоры «Уробороса», «Великой Матери» и «Сражения с Драконом» (юнгианские школы). Использование подобных концептов для понимания процессов связи процедур означения с развитием психики можно проследить в разнообразных и многочисленных текстах, в частности, в упомянутой книге Э. Нойманна или в книге люблянского мыслителя наших дней Славоя Жижека [1].

Возможные уровни означения реальности, по моему мнению, схематично могут быть представлены следующим образом:

- ♦ тенденциозно-досимволическая, где Я и Мир мифологически слиты в единой фигуре жизнедеятельности, где внешние стимулы значимы постольку, поскольку способны преодолеть барьер спокойствия, где означено лишь экзистенциальное бытие, которое переживается как тенд и как открываемая витальность;
- ♦ открытие проблемы процедуры означения, задачи поиска Я в сигнатуре бытия; переживание нехватки означаемого как фрустрация;
- ♦ открытие Другого как априорного символического кода Я и Вещей;
- ♦ установление значений Я и Вещей как функций Другого, фрустрация отчужденного «голоса» и произвольного знака;
- ♦ открытие плюрализма правды о мире Других;
- ♦ исток значений Другого и Вещей как функция Я; обретение полноты рефлексии.

На этом пути, «в расщелине», как пишет Жан Лакан, между потребностью (как смутной нацеленностью на объект) и запросом (который обращен к Другому как просьба о любви) и возникает желание. Воображаемые сценарии исполнения желания инкорпорированы фантазмами. В синтомах инкорпорировано вытесненное, Я обретает в них идеальную целостность и сообразность. Но желания и фантазмы вновь возвращают нас к априорности Другого. Сходным образом сложившийся с идеальным Я синтом способен инкорпорировать лишь искаженные, приемлемые для данного Я ранее вытесненные содержания его сознания, и потому синтом вновь в какой-то мере возвращает нас к смутной тоске бесформенного тенда. Цепочка знаков и состояний человека не составляет линейной последовательности, не является жесткой и законченной, а спутана многими обратными петлями, возвратами и перескоками во времени, без которых нет ни укорененности в прошлом, ни энергии беспокойства о настоящем, ни мечты о будущем. Формы означения и поиск объектов реальности всецело определен нашим отношением к знакам, их причудливые цепочки сплетены с нашими фантазмами и желаниями, порождают конфигурации синтомов, от которых сами и зависят.

Проиллюстрируем в заключение сказанное (которое, боюсь, насыщено непривычными для многих философов понятиями и смыслами) гипотезой о генезисе означения веры, истины и любви. В соответствие с предположенными нами ранее уровнями означения, вероятные формы их генезиса таковы.

Вера: миф, скептическая растерянность, подражание Другому, вовлечение в фанатическую сопричастность, обнаружение номенклатуры веры Других, поиск и достижение нравственных истоков Моей веры.

Истина: миф, обнаружение возможной ложности суждения в нарративах и сигнатурах бытия, признание авторитета Другого, принятие догмы, открытие правды и постановка проблемы обоснования, истина как объективное содержание знания.

Любовь: симбиотическая слитность, обнаружение материнской любви (меня любят за то, что я есть, хотя и не все), открытие отцовской любви как кода требований, становление страсти к обладанию, обнаружение эротической и братской любви, способность альтернативного эгоизму себялюбия.

Как видим, генетические формы означения веры, истины и любви в целом не противоречат большинству существующих компетентных текстов, которые им посвящены. Согласуются они и со здравым смыслом, с опытом личной жизни и наблюдениями.

Что здесь действительно интересно, так это то, что каждая из приведенных цепочек означения весьма неплохо соответствует, вплоть до точного совпадения, схематике уровней означения реальности, которые приведены мною выше. Вполне вписываются они и в динамику желаний, фантазма и синтома (которая лишь намечена в данной статье), а также коррелируют с метафорами Уробороса, Великой Матери и Сражения с Драконом (что осталось за ее рамками). Традиционно изолированные дискурсы о вере, истине и любви, будучи вовлеченными в тематику генезиса означения, получили небывалую связность! Вероятно, генезис означения и иных ключевых ценностей, таких, например, как надежда, добро или красота, происходит по этим же причудливым, но протоптанным до универсальности тропам нашей психики, надежным и проверенным. Процедуры означения человеком мира действительно совмещены с развитием самого человека, познание бытия неотделимо от его переживания.

Актуальная и перспективная задача антропологического и генетического расширения гносеологии, таким образом, состоит в ее трансформации в теорию постижения (а не только познания) бытия. И тогда она, как обычно, расскажет нам о том, как строятся онтологии, но также перестанет безмолвствовать о том, как меняется постигающий и означающий бытие человек.

Список литературы

1. *Жижек Славой*. Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 236 с.
2. *Лебовски Серж*. Объектные отношения у ребенка. Генетическое исследование объектных отношений. – Французская психоаналитическая школа. – СПб.: Питер, 2005. – С. 461–483.
3. *Нойманн Эрих*. Происхождение и развитие сознания. – М.: «Релф-бук»; К.: «Ваклер», 1998. – 369 с.
4. *Паш Франсис*. Щит Персея, или психоз и реальность. – Французская психоаналитическая школа. – СПб.: Питер, 2005. – С. 274–284.